

Проф. Ян Сокол,
факультет гуманитарных наук,
Карлов университет,
Прага, Чешская Республика
Prof. Jan Sokol,
Faculty of Humanities,
Charles University in Prague,
Czech republic

ЕВРОПЕЙСКОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

EUROPEAN MULTILINGUALISM AND ITS POLITICAL CONSEQUENCES

Аннотация:

Цель этой работы – продемонстрировать политическую важность языка и его лингвистическое многообразие, характерное для Европы. Во-первых, в моих тезисах я раскрываю, что это многообразие не должно исчезнуть и должно быть даже в будущем всерьез принято европейскими политиками. Во-вторых, как бы обременительно это многообразие не выглядело, оно несет в себе некоторые, очевидные преимущества и, по крайней мере, надежды. В-третьих, если мы возьмем преимущества этого странного уникального и единого наследия прошлого, мы можем создать эффективные правила, чтобы предотвратить известные опасности и помехи, чтобы повысить нашу конкурентность, чтобы иметь дело с различиями.

Abstract

The purpose of this contribution is to show the political importance of language and of the linguistic diversity, so characteristic for Europe. My thesis is first, that this diversity shall not disappear but is to be taken seriously into account by European policies even for the future. Second, that however burdensome, it carries with it some perhaps less evident advantages, or at least promises. Third, that to take advantage of this rather unique heritage of the past, we have to develop efficient policies to overcome the well known dangers and hindrances and to deepen our competences to deal with the differences.

Ключевые слова: многоязычие, гомогенизация, лингвистическое сообщество, языковое разнообразие, национализм, языки в Европе

Key words: multilingualism, homogenization, linguistic community, linguistic diversity, nationalism, languages in Europe

Язык и нация

Современное общество, также, как и демократическая политика, основано на общении между гражданами. Немецкий социолог Никлас Луман утверждал: «Общество, как всеохватывающая система всех коммуникаций, конституируется различением себя от окружающего мира, в среде которого нет связи, но только события другого вида» [Луман 1997; 55], в том числе – насильственные. Тот, кто произносит слово «общение», – в тоже время ссылается на язык, так как язык на сегодняшний день является наиболее важной формой человеческого общения. Всем известно, что Европа, и прежде всего, Центральная и Восточная Европа, делится на великое множество языков в языковых групп, члены которых не в состоянии общаться друг с другом.

Если чех сядет в автомобиль в Праге и поедет в случайном направлении, то в течение четырех часов езды он вступит в контакт с людьми, которых он не сможет понять. Даже после падения железного занавеса и отмены пограничного контроля он будет по-прежнему пересекаться с «Nemci», в буквальном переводе – «немые люди», как наши предки называли иностранцев. Кроме того, греки называли «barbaroi» всех, кто выглядел как люди, но вместо произнесения понятных слов и фраз издавал просто дикие звуки без

значения. Если человек, по определению Аристотеля, «животное с речью или рассудком», то выходит, что персону, с которой я не могу говорить, вообще не является человеком?

К великому удивлению большинство сторонних наблюдателей, различают формы национализма, появившегося в Восточной Европе и на Балканах сразу после изменений 1989 года, некоторые из них имеют с катастрофические последствия.

Но, чтобы иметь возможность эффективно противостоять этим довольно примитивным, а иногда и агрессивным движениям, требуется более глубокое понимание их реальной социальной базы, социально-психологических причин некоторых общечеловеческих чувств, которые так склонны к националистическим злоупотреблениям. Среди ученых существует широко распространенное убеждение, что национализм является просто формой атавизма, выжившим рудиментом племенных чувств или шовинистической пропагандой девятнадцатого века. Это не является хорошей отправной точкой для понимания современного национализма, так как не дает нам возможность видеть и принимать всерьез некоторые очевидные психо-социальные факторы.

Текущее состояние английского языка в мире означает, что англоговорящий вряд ли будет испытывать такого рода языковые отчуждения, не будучи в состоянии общаться на своем родном языке – и в противном случае, следовательно, не в полной мере в состоянии оценить очевидный смысл языка и лингвистического сообщества. Такое лингвистическое разнообразие и то, как это явление представлено, например, у Бернарда Шоу в пьесе «Пигмалион», – это совершенно разные вещи. Языковые варианты профессора Хиггинса свидетельствуют о социальной стратификации, но всерьез не мешают элементарному общению.

Опасная тенденция – недооценивать социальную значимость языка – все еще широко распространена и по другой причине. Это также исходит из позитивной иллюзии, что язык является всего лишь инструментом коммуникации, взаимозаменяемым инструментом, который позволяет людям обмениваться информацией.

Это случилось незадолго до начала двадцатого века, когда лингвисты, философы и антропологи предоставили убедительные сведения произведений романтиков, ощутивших это раньше. Связь действительно элементарная, как «ближайшая» функция языка. Но язык, на самом деле, есть нечто большее.

По существу, это носитель общей среды смыслов, в которой каждый человек рождается, и в которой он или она становятся взрослыми людьми. Именно через язык, который человек получает, он связан с его конкретной культурой – в самом широком смысле этого слова, так как язык передается ему по наследству от родителей и общества в целом.

Хотя мы говорим об «обучении» языку, каждый ребенок на самом деле строит свой первый, материнский язык как бы с нуля и самостоятельно – методом проб и ошибок, даже если это происходит со значительной помощью окружающих взрослых. Именно благодаря этому языку, ребенок может узнать и понять мир, который он способен создать для себя. «Материнский» язык, на котором человек выполняет эти фундаментальные шаги в сторону личного познания мира в первый раз, следовательно, также является важной частью и основой его личности [Гелен, 1997].

Под идентичностью я понимаю не неизменную «одинаковость», а скорее, своего рода постоянный отпечаток первой интеграции индивидуума в его ближайшем, непосредственном окружении, а затем в обществе в целом. Даже если позже он должен

¹ Prof. Jan Sokol, Faculty of Humanities, Charles University in Prague. sokol@fhs.cuni.cz. See a larger version „Europe speaks“, published in Angelaki, 15:3, 185 - 193

¹ „Nemec“ (from „nemy“, the dumb), in contrast to the slavonic self-designation „Slovan“ (from „slovo“, the word), i.e. „those having a language“. In modern Polish, Czech and other East European languages „Nemci“ means the Germans only (Machek 1971:395)

изучать другие языки, – эти отпечатки, этот опыт с его «материнским» языком, послужат ему в качестве настоящей опоры, на которую он сможет прикрепить новые слова и структуры. Элементарная работа создания лингвистической (языковой) структуры и соответствующего семантического структурирования опыта, например, «вещей», «деятельности» и «собственности», в грамматических лицах и временах, происходит только один раз.

Я не могу входить в детали: чрезвычайно интересно индивидуальное рождение и эволюция народов и наций Центральной Европы, развитие национальных и письменных языков параллельно с укреплением их политической организации во времена Средневековья. Позвольте мне упомянуть несколько примеров роли христианства в появлении незабываемого и типичного европейского феномена нации как глубоко отличающегося от племени. Крещение впервые позволило преодолеть культурные и религиозные барьеры среди племен – то есть, чтобы преодолеть, таким образом, эксклюзивность умерших предков и вражду среди них, давая сформироваться большим нациям [Ортега-и-Гассет, 1993].

Во-вторых, вместо наблюдения их собственного сообщества в строгом отличии от малозаметного, непонятого и, возможно, вражеского, остального мира, европейские нации были включены в более крупные сообщества в христианском мире и вскоре научились отличать другие нации (страны) по их именам – или по их первым «послам», а именно, по святым покровителям и их легендам. Со времени раннего Средневековья церковь приказала при крещении давать всем детям «христианские» имена такие как Анна или Джозеф без национальных отметок. Вместо всяких «прагматических» имен, понятных на их родном языке, большинству людей были даны иностранные имена как их святые и образцы.

Эта привычка была сохранена до появления национализма и «национальные» имена были возвращены только в девятнадцатом веке.

Политическая роль языка.

Но мы должны ограничить здесь наши соображения и перевести их в более узкую проблему, а именно – более внимательно изучить политическое значение языка и его историческое развитие для современной эпохи. В старых, традиционных и иерархических организованных обществах, власть не применялась напрямую правителем, а опосредованно – через придворную знать и дворянство, так что правителю было достаточно взаимодействовать с аристократами. По этой причине традиционные общества имели некоторые проблемы с разнообразием языков, и часто правили короли «иностранного» происхождения.

Политическое значение языка усиливалось развитием абсолютизма, который постепенно исключил посредническую роль дворянства. Вместо независимых дворян, правители создавали платежеспособных локальных чиновников и клерков, чтобы собирать налоги и исполнять регулярные обязанности (барщина, военная служба и т.д.), и, в конце концов, даже национальные армии. Это были чиновники правителя (клерки, судьи, шерифы и пр.), которые должны были вести переговоры и говорить со всеми на общие темы. По этим причинам, в государствах Западной Европы, которые прошли через централизацию на ранней стадии, особенно во Франции, а также в Англии и Испании, общество было гомогенизируемым с точки зрения языка как в раннем так и как в позднем Средневековье, отчасти насильственным путем. Политические и религиозные союзы шли рука об руку с лингвистическим союзом, как это произошло в Альбигойских войнах во Франции, при английском завоевании Ирландии и Уэльса или с реконкистами в Испании.

Когда общественное *modus oprandi* становится все более сложным, в современную эпоху под влиянием идей Просвещения европейские правители пытаются ограничить применение силы, реализуя свою власть и выбирая свой собственный путь, насколько это возможно – через письменные приказы и распоряжения. Само собой разумеется, это

потребовало всеобщей грамотности, и именно это послужило мотивом для создания обязательных государственных школ в большинстве стран континентальной Европы [Геллнер 1992].

Центральная и Восточная Европа отстает, здесь развитие абсолютизма не начиналось, грубо говоря, до семнадцатого века. И только в восемнадцатом веке ситуация меняется, когда австрийские императоры с удивлением обнаружили, что они должны будут публиковать свои законы и объявления как минимум на пяти разных языках. Действительно, императорские указы этого периода были должны печататься на пяти и больше соседних столбах.

Разве не было бы проще и эффективнее для облегчения общения с гражданами, то есть стороной получателя, изучение одного государственного языка для всех? В восемнадцатом веке эти рационалистические взгляды привели к введению обязательного школьного образования на немецком и породили все аспекты того, что в учебниках чешской истории до сих пор называют «германизация» [Грох 1996].

В действительности, это не являлось зловещим планом уничтожения чешского языка и нации, а лишь несколько поверхностными, бюрократическими и рационалистическими мерами, которые не отличаются от тех, которые некоторые, якобы космополитические политики и социальные мыслители сегодня рекомендуют как хорошее средство борьбы с национализмом, смысл которых: дайте нам общаться на одном единственном (общем) языке – что почти всегда означает «на моем собственном».

Чем больше давление официального государственного языка как инструмента для выражения национальной сплоченности, тем меньше языковых сообществ в Восточной и Центральной Европе имеют выбор; или сокращение политической неэффективности меньшинства есть не что иное, как этнографический интерес для создания отдельных полноправных национальных штатов. Дальнейшие движения «национального возрождения» были неоднократно подтверждены и усилены социальными изменениями, которые произошли во время индустриализации и были связаны с мобильностью девятнадцатого века. Избыток подвижности сельского населения, которое искало работы в городе, влияние литературы, единая школьная система и газеты – иными словами, превращение общества в «коммуникационное» общество, как пишет Никлас Луман, – практически уничтожили все местные диалекты и лишь больше ускорили стремительный процесс языковой гомогенизации.

Введение демократических свобод и всеобщего избирательного права по необходимости предполагает развитие общественного мнения, дискуссий и избирательных компаний и, как следствие – появление электронных средств массовой информации (СМИ) и их методов «прямой» связи – толкают языковые требования в крайности. В эпоху массовой демократии и СМИ, политика возможна только через прямое влияние политиков на граждан и избирателей – иными словами, через язык. Любой, кто сожалеет о падении Габсбургской монархии, должен только представить себе старого императора по телевизору. Что он может сказать своим поданным – «его людям» – и как? Бедный император! Даже Папа должен представить свое пасхальное благословение почти на пятидесяти языках, надеясь, что верующие из оставшихся четырех тысяч или около того лингвистических сообществ по всему миру не смотрят телевизор.

Современное демократическое государство может существовать только на основе более или менее однородной языковой общности, которая сформулирована Руссо как «общая воля» – то есть, как правило, в несколько иных формах как «программы» политических партий. Для сохранения демократического процесса выбора и участия большинства, это не потерпит любой фиксированной, непримиримой и неподвижной лояльности, чтобы не разделить общество. Это не значит, что в любом случае, все люди должны будут отказаться от своих культурных особенностей, но они должны будут освоить язык, который является общим для них для всех, поскольку, в противном случае, они будут практически исключены как граждане из общей сферы политической жизни *via facti*. Потребности человека в более тесных отношениях и в четко определенных сообществах

могут быть удовлетворены в этом случае только с помощью общественных объединений и организаций на основе консенсуса – и это значит, при взаимном языковом понимании. Тривиальный факт, что общественное мнение способно создаваться только на одном языке, не может, к сожалению, быть полностью компенсирован даже с помощью двуязычия или многоязычия. Ведь даже люди, которые имеют возможность общаться на нескольких языках, в конечном счете, должны выбрать одно языковое сообщество, в котором они хотели бы участвовать в демократическом процессе принятия решений. Это проявляется в случае с Бельгией, а также – в меньшей или большей степени – со Швейцарией [Altermatt 2002].

Европейские парламентские выборы являются еще одним примером: даже если есть левое крыло, правое крыло и либеральные коалиции – в этом случае, выборы, в особенности избирательные кампании, всегда организованы на (национальном) государственном уровне, и не только по конституционным, но и по языковым причинам. Даже граждане Люксембурга, являющиеся, безусловно, чемпионами многоязычия в Европе, вынуждены принимать решения на местном языке во время избирательных кампаний. Армия переводчиков, как в Брюссельском и Страсбургском парламентах, свидетельствует о том же. В результате получается, что даже политически объединенная Европа может быть осмыслена только как «Европа Наций».

Значение языкового разнообразия.

Очевидно, что языковое разнообразие означает серьезные недостатки и препятствия для будущего Европы, возможно, настоящую опасность. Не было ли это, по крайней мере, фактором, который несколько раз в XX веке способствовал превращению Европы в проблемную зону? Разве не было бы гораздо проще, обойтись без языкового разнообразия, а ради модернизации и экономической эффективности согласовать общий рабочий язык? Возникает тривиальный вопрос на пути этого великого искушения, предусмотренный рационалистами еще в восемнадцатом веке, – какой язык? Именно такого рода стремления к объединению, позже породили планы господства, приведшие к худшим войнам, которые Европа когда-либо испытывала. Первая крупная попытка модернизации такого рода, наполеоновские войны, хорошо известны тем, что разбудили и мобилизовали националистические настроения в Германии и во многих других странах. Следующая попытка – Гитлера – не нуждается в дальнейших комментариях. Этот горький урок усвоенный Европой лучше, чем сто лет назад, состоит в том, что это разнообразие не может быть отнято, и что никто не должен пытаться сделать это.

Но есть и позитивные причины сохранения языкового разнообразия как существенной характеристики Европы, хотя оно менее ощутимо, чем препятствия.

Исторически сложилось так, что европейские нации значительно выиграли от языкового разнообразия своих соседей, обучаясь у тех, кто говорил на другом языке. Все, что мы имеем и в состоянии сделать, этим мы обязаны в значительной мере нашим соседям: чехи в огромном долгу перед немцами, немцы многое унаследовали от французов и итальянцев, французы много унаследовали от римлян, а римляне научились и переняли много от греков, греки в общепризнанном долгу перед финикийцам или египтянами. Именно эта привычка проявлять интерес к другим людям превратила нас в то, что мы есть сегодня [сф. Браге 1992]. От Геродота до крестоносцев, Марко Поло и Колумба, через бесчисленных миссионеров и исследователей, инаковость в далеком мире насыщалась физической и культурной европейской мобильностью.

Во-вторых, каждый европеец должен усвоить еще на ранних этапах, в отличие от тех, кто живет в крупных империях, что мало воспринимать наш родной язык как должное. В детстве европейцам даются важные уроки, которые, объясняют нам, что, когда мы говорим «хлеб», а другие бормочут что-то совсем другое, – все вскоре узнают, что этот барьер может быть преодолен: «Язык в Европе – это перевод», – как сказал Умберто Эко. Это дает дополнительное чувство дистанции не только для местного непосредственного опыта здесь и сейчас, но и понимание, каким образом мы получаем контроль над этим миром опыта.

В-третьих, благодаря этому открытию, мы должны были узнать, что наш язык – не естественное явление, он – компонент нашей конкретной культуры. Слово «культура» происходит от латинского глагола *colere*, расти, вырасти, заботиться. Наш язык – основной носитель всех других культурных содержаний и традиций, а также простейшая часть информации, которая только продолжает существовать до того, как мы начинаем заботиться и ухаживать за ней. Вопрос об «эволюционных преимуществах» культурного и лингвистического разнообразия человечества в последнее время привлекает внимание неodarвинистских антропологов и социо-биологов. Ими предполагается, что общий успех человечества с точки зрения эволюции в решающей степени зависит от способности к совместной работе и общению, проявлению солидарности и укреплению доверия. Их компьютерные модели убедительно демонстрируют важность доверия, а также его условия, которые должны быть проанализированы. В настоящее время, как правило, признается, что тенденция в отдельной группе ограничить свои собственные параметры, например, установить перед собой иные границы, кроме лингвистических, является своего рода «упражнением для построения доверия».

Я считаю, что уникальная и с высокой степенью риска стратегия жить в разнообразии оказалась успешной в Европе. Таков вклад Европы во все, что имеет ценность в мире – вне зависимости от его площади, численности населения, богатства. То же самое относится к вкладу небольших населенных пунктов в Европе, и особенно ее «меньшинства» – например, вклад жителей Эльзаса во французскую культуру, евреев, или жителей Силезии – в немецкую культуру. Это как если бы люди, живущие на границе, чтобы продержаться по отношению к другим людям, также были бы вынуждены учиться у соседей и таким образом стать более продуктивными.

Столкнувшись со всеми безличными силами «глобальных» рынков и мобильности, единой и объединяющей технологии, люди могут чувствовать себя крайне слабыми и, таким образом, реагировать вслепую, иногда с насильственными протестами. Более организованные движения иногда возвращаются к ксенофобии, коллективный эгоизм и «национальный интерес» представляют постоянную опасность для быстро меняющегося мира. Нам нужна новая модель большой политической организации; с другой стороны, более гибкая, чем даже федеральные государства, а также более обязательная и эффективная, чем Организация Объединенных Наций.

Несмотря на всю оправданную и неоправданную критику, Европейский Союз мог бы стать стартом или ядром альтернативы для мирной организации человеческого общества в более широком масштабе. Огромная задача разработать политический орган без единого языка требует многих институциональных изменений. Поскольку все больше и больше изменений в реальном мире являются глобальными – от экономики и финансов, безопасности и преступности, вплоть до окружающего мира – европейские институты должны быть периодически адаптированы, чтобы справиться с ними.

Но есть и другие, возможно, менее выделяющиеся причины, чтобы адаптировать социальные навыки и компетенции, так сказать, и на самом низком уровне. Разнообразие – этот урок европейского прошлого – может быть продуктивным и полезным только тогда, когда оно коммуникационно. Стратегическое преимущество европейского разнообразия должно быть создано на плодотворном стратегическом усилии, улучшающем навыки общения. Многоязычие, по старой привычке в этой части мира, должно быть заменено чем-то новым, усилено и в дальнейшем развито. Несколько лет назад, Европейская комиссия опубликовала документ по изучению иностранных языков, который заслуживает большего внимания, чем он получил до сих пор. По его рекомендации, английский должен быть принят для изучения и обучения как *lingua franca*, но вместе с ним должен быть и другой язык по выбору, предпочтительно, язык соседней нации. Причины просты: с одной стороны, между соседями возникает большинство конфликтов, а с другой стороны, укрепление Европы не может быть сделано без Брюсселя в одиночку. Европа должна быть терпеливо сшита или скреплена, в частности, на ее стыках, в повседневных занятиях ее граждан.

Это является темой этой конференции, и это – одна из самых важных задач, наших европейских преподавателей и ученых.

Литература:

1. Altermatt, U. (2002) “Language and Nation: Is Switzerland a Model for Europe?” in *Nation and National Ideology*. Bucharest: New Europe College, pp. 323-51
2. Brague, R. (1992) *Europe, la voie romaine*. Paris: Criterion.
3. Gehlen, A. (1997) *Der Mensch*. Wiesbaden: DTV
4. Gellner, E. (1988) *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell
5. Hroch, M. (1996) *Na prahu narodni existence*. Praha: Mlada fronta
6. Luhmann, N. (1997) *Das Recht der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp
7. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia
8. Ortega y Gasset, J. (1993), *Evropa a idea naroda*. Praha: Mlada fronta
9. (Polish Presidency Conference on Multilingualism, Warsaw 27. 9. 2011)